

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 196–224.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 196–224.

Научная статья / Original article

УДК 908

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-196-224

ВЕРНУСЬ «СО ВСЕМИ И ДЛЯ ВСЕХ»

Андрей Борисович Дударев

Никольский собор, г. Лосино-Петровский,
Московская область, Россия,
veraduda@yandex.ru

 Аннотация. Статья посвящена истории обнаружения и восстановления могилы художника русского авангарда Василия Николаевича Чекрыгина (1892–1922). Автор рассказывает о краеведческих находках, предшествовавших обретению места памяти Чекрыгина, описывает историю утраченного и обретенного Боголюбского погоста, поиска мест захоронений известных жителей и деятелей г. Пушкино — прот. Михаила Шарикова, В. Л. Рабенека и др., снесенных храмов и мемориальных мест. В статье вводятся в научный оборот новые архивные данные. Вопрос об отношении к могилам и к памяти об усопших представлен в контексте русской этической мысли и православной традиции. Показана роль мемориальных поисков и сохранения мест памяти для становления личности человека, преодоления разрыва между словом и делом.

 Ключевые слова: место захоронения В. Н. Чекрыгина, поиски утраченных кладбищ и мест памяти, архивный поиск, Боголюбский погост, прот. Михаил Шариков, В. Л. Рабенека, память об умерших, этика

© Дударев А. Б., 2021

Ссылка для цитирования: Дударев А. Б. Вернусь «со всеми и для всех» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 196–224. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-196-224>.

Literature. Philosophy. Religion

I WILL RETURN “WITH EVERYONE AND FOR EVERYONE”

Andrey B. Dudarev

The Nikolsky Church, Losino-Petrovsky,
Moscow Region, Russia, veraduda@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the discovery and restoration of the grave of the Russian avant-garde artist Vasily Nikolaevich Chekrygin (1892–1922). The author tells about the first findings that preceded the acquisition of the place of Chekrygin’s memory, introduces new archival data into scientific circulation. The story of the lost and found Bogolyubsky churchyard, the search for burial sites of famous residents and figures of Pushkino, Mikhail Sharikov, V. L. Rabenek, etc., demolished churches and memorial sites is told. Russian graves and the memory of the deceased are discussed in the article in the context of Russian ethical thought and Orthodox tradition. The role of memorial searches and preservation of places of memory for the formation of a person’s personality, for overcoming the gap between word and deed is shown.

Keywords: V. N. Chekrygin’s burial place, search for lost cemeteries and places of memory, archival search, Bogolyubsky pogost, prot. Mikhail Sharikov, V. L. Rabenek, memory of the dead, ethics

For citation: Dudarev, A.B. (2021) ‘I will Return “With Everyone and for Everyone”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 196–224. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-196-224.

Первое, самое явное и безошибочное ощущение от работ Чекрыгина — ощущение гениальности. Это художник мирового значения, мировой силы!..

К. Г. Паустовский (1892–1968)

«Пропал человек», — эти слова тронут многих.
«Пропал беспомощный человек», — подобное не пройдет мимо самого ледяного сердца.

«Потеряна могила».

— Что ж, бывает... — прокомментирует большинство.

«Потеряна могила известного человека», — это, безусловно, заинтересует и верующих, и атеистов.

Речь пойдет о подобной утрате, обернувшейся через столетие Пасхой.

В чем разница между могилами значимыми и не очень? Каково отличие бодрствующего человека от спящего в могиле? Должна ли утеря захоронения восприниматься как исчезновение человека? И, наконец, нет никого беспомощнее усопших. Для справки: в переводе с церковно-славянского «усопший» — уснувший, от «успение» — сон.

5 мая 2021 года в Подмосковном городе Пушкино найдена могила художника русского авангарда Василия Николаевича Чекрыгина (1897–1922).

«Огромный синтетический талант», «художник-духовидец» [Бакушинский, 1922], «апостол большого искусства» [Шапошников, 1922, с. 8], — вот только некоторые отзывы о Чекрыгине его современников.

«Воскрешение мертвых отцов в действительности — есть дело искусств» [Чекрыгин, 2005, с. 214] — заявил в 1921 году Василий Чекрыгин. Судорожно, в поиске точных образов, будто опаздывая куда-то, он посвящает данной теме до 30 графических набросков за день.

В половине десятого вечера 3 июня 1922 года на перегоне Пушкино — Мамонтовка Ярославской железной дороги паровоз отрезал Василию Николаевичу ноги. По воспоминаниям друга и биографа художника Льва Федоровича Жегина, непосредственным толчком к трагедии была банальная «...ссора с тещей, угрюмой и

своенравной, смотревшей на него как на какое-то инородное тело, случайно попавшее в их семейство» [Жегин, 1987, с. 229].

Вот как вспоминал об этом Л. Ф. Жегин:

Был день Константина и Елены — именины брата и сестры Веры Викторовны Чекрыгиной. Праздник справлялся в Пушкино, куда и приехали родственники и гости.

Разгоряченный вином, обидевшись на какое-то замечание тещи, Чекрыгин разорвал железнодорожные билеты и пешком направился в Мамонтовку, где находилась другая дача его тестя.

Но это был путь к смерти. Чекрыгин погиб, пытаясь вскочить на подножку мчавшегося поезда.

Было 9 часов вечера.

Поезд остановили. В одном из вагонов оказалась жена Чекрыгина. Он еще дышал, но был без памяти. Правая нога была отрезана по щиколотку, левая — раздроблена, на голове, у затылка, небольшая ссадина. Лицо спокойное, с обычной улыбкой, глаза полуоткрытые.

[Там же, с. 229–230]

Умер он тут же, на руках жены — Веры Викторовны, урожденной Котовой-Бернштам (1894–1952).

Этот брак длился неполных два года, в нем у Чекрыгиных 1 июня 1921 года родилась дочь Нина.

Найдено свидетельство о рождении Нины Васильевны Чекрыгиной [ЦГАМО. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 1404. Л. 209–209 об.], из которого следует, что регистрировала ребенка сестра Веры Викторовны — Елена. Под документом стоит ее подпись: «Е. Беренштам», из чего можно сделать вывод: подлинная форма второй части фамилии супруги Чекрыгина — не Бернштам, а Беренштам. Добавление «Котова» — от девичьей фамилии матери, тещи Василия Николаевича Варвары Федоровны Котовой, которая не брала фамилии мужа. Двойная фамилия Веры Викторовны, судя по всему, и привела к данной оптимизации — упразднению гласной «е». Почерк Елены Викторовны помог также определить подписи к детским рисункам Нины Чекрыгиной, выполненные с большой любовью к племяннице, которые ныне хранятся в коллекции Института художественного образования и культурологии.

5 июня в день Святого Духа Василия Чекрыгина похоронили на погосте близ деревни Акулово, что в Пушкинской волости. Ему было всего двадцать пять лет.

Вундеркинд Чекрыгин родился среди Брянских лесов 6(18) января 1897 года в поселке Жиздра, в верховьях одноименной реки. Рисовать начал с пяти. В Киеве, куда переехала семья, окончил Лаврскую иконописную школу.

В 1911 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где подружился со Львом Шехтелем-Жегинным (1892–1969), Давидом Бурлюком (1882–1967) и Владимиром Маяковским (1893–1930). Тогда же начал писать стихи, которыми, кстати, не раз восхищался его соратник Велимир Хлебников (1885–1922), переживший художника всего на 25 дней.

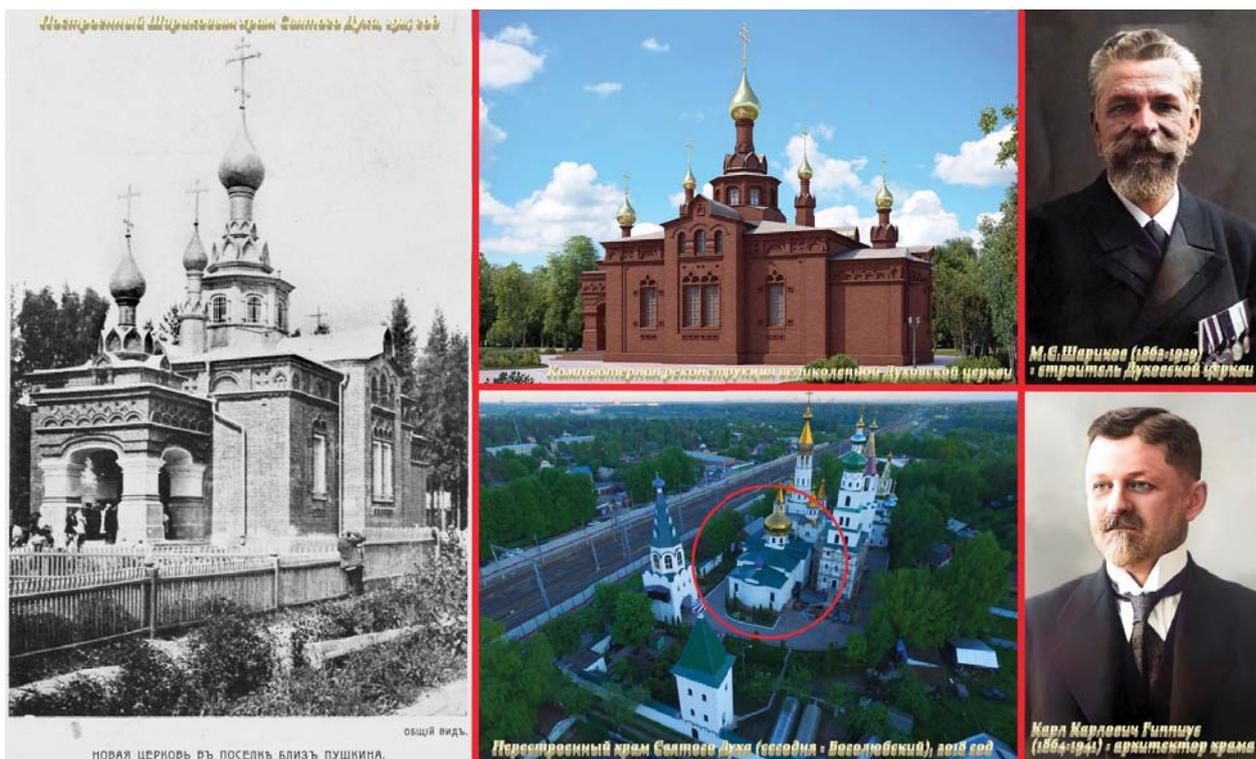
В мае 1913-го Чекрыгин становится иллюстратором первого поэтического сборника В. В. Маяковского «Я». В 1914-м художник встречается с приехавшим в Москву итальянским футуристом Ф.-Т. Маринетти, пригласившим русского единомышленника в Милан. Владимир Маяковский просил Чекрыгина иллюстрировать и его военные агитки.

В 1915 году Василий Николаевич уходит добровольцем на фронт.

В 1919-м Чекрыгин включен в список художников, работы которых приобретаются для музеев Государственным художественным фондом. Более всего живописец ценил древнерусское искусство, где первое место отдавал творчеству Андрея Рублёва.

В 1921 году Василий Чекрыгин увлекается идеями «московского Сократа», философа Николая Федоровича Фёдорова (1829–1903) и пишет статью «О Соборе Воскрешающего музея». Федоровской теме живописец посвятил большую серию работ «Воскрешение мертвых» (1921–1922). В том же году Василий Николаевич стал одним из главных организаторов и лидером Союза

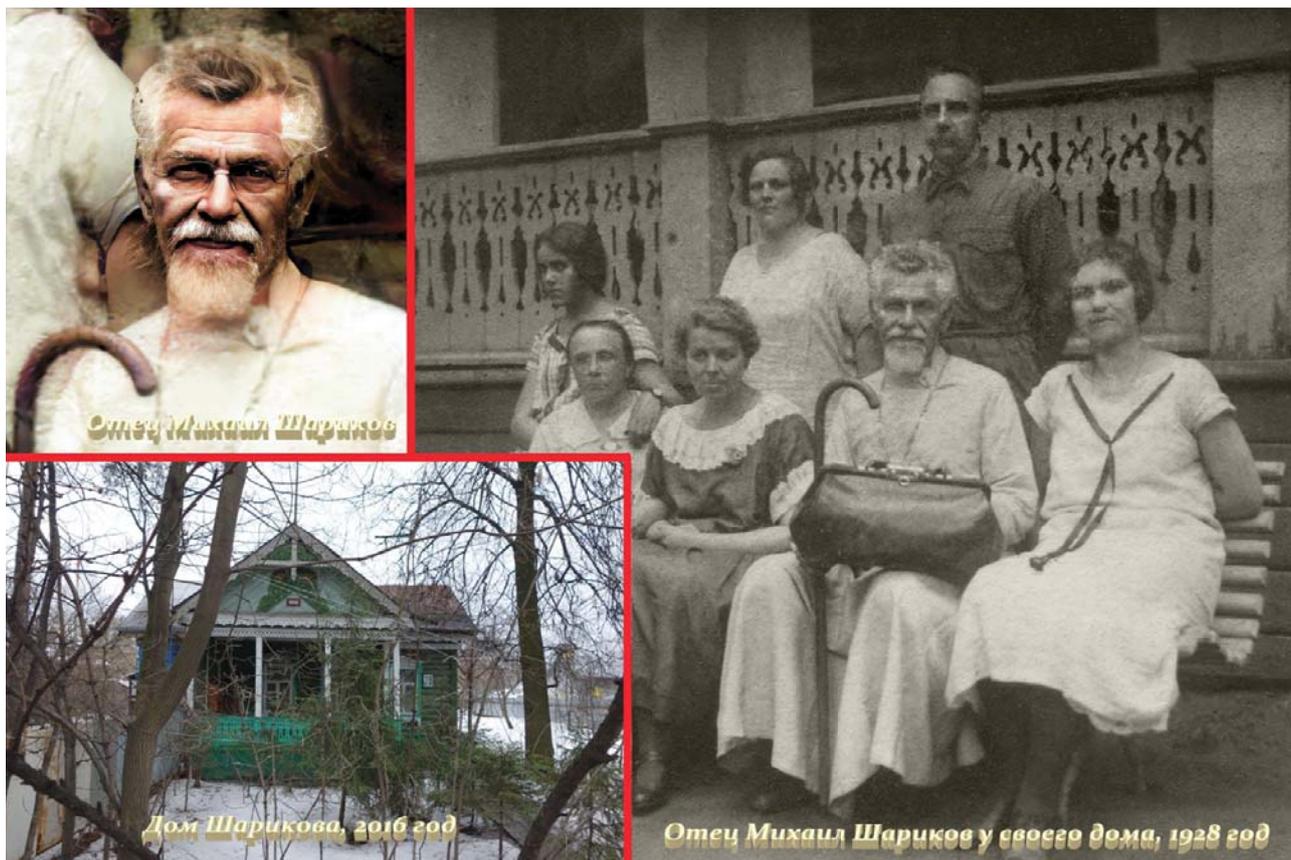

художников и поэтов «Маковец» (1921–1926). «Маковец» — холм, на котором преподобный Сергей Радонежский основал свой монастырь. Осень и зиму 1921/1922-го Чекрыгин проводит в Пушкино, практически безвыездно.

В дачном Пушкино Василий Николаевич проживал в доме бывшего «Приюта для выздоравливающих детей имени Альберта и Анны Беренштам» (1899–1917). Приют был основан предками супруги Чекрыгина по отцовской линии — Виктора Карловича Бернштама (Беренштама). Напротив, через железную дорогу, располагалась деревянная Боголюбская церковь (1873) и отстроенная в 1914-м по проекту Карла Карловича Гиппиуса изысканной архитектуры каменная Святого Духа. Чекрыгина похоронят именно на Боголюбском погосте, расположенном в трех километрах от храма и в 700 метрах от деревни Акулово.

Кстати, в этой расположенной на Акуловой горе деревне с 1919 по 1929 годы неизменно проводил летние сезоны поэт Владимир Маяковский.

В 1921–1922 годах Владимир Владимирович снимал дачу крестьянина Василия Алексеевича Вячеславова (1874–1938). Только этот дом из всех акуловских дач поэта сохранился в качестве Музея. Сюда весной 2021-го и перенесут для идентификации останки Василия Чекрыгина. Да, всё в этой загадочной истории сплетается в венок на поникшее ныне чело смыслов.

В том же 1921 году настоятелем Боголюбской церкви стал выдающийся общественный деятель, меценат и строитель уже упомянутого великолепного храма Святого Духа Михаил Семенович Шариков (1862–1929). 19 декабря 1921 года ярый поборник просвещения и русской культуры, бывший купец и дворянин (с 1915), церковный староста (с 1896) М. С. Шариков принимает священный сан. Не тесное ли общение с последним вынуждает облученного, так сказать, Православием авангардиста не покидать Пушкино? Ведь, как выяснилось, художника похоронили на аллее почетных прихожан Боголюбской церкви рядом со строителем деревянного храма Варфоломеем Львовичем Рабенком (1841–1909) и по соседству с участком о. Михаила Шарикова, где последний упокоится в 1929-м.

Уверен, были тогда и пушкинские встречи с Маяковским. Иначе с чего бы Владимиру Владимировичу возвращаться к теме юных поэм — воскрешения мертвых («Война и мир», 1915). В декабре 1922 года Владимир Маяковский напишет поэму «Про это». Ее финальная глава именуется «Прошение на имя...

(Прошу вас, товарищ химик, заполните сами!)». В ней автор в абсолютно федоровско-чеккрыгинском контексте требует у товарища химика из «Мастерской человеческих воскрешений» воскресить его, Маяковского:

Воскреси!
Сердце мне вложи!
Кровищу —
последних жил.
В череп мысль вдолби!
Я свое, земное, не дожёл,
на земле
свое не долюбил.

Ввиду лобастого профиля Василия Николаевича, строки:

Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб.

— звучат предельно узнаваемо. Поэма Маяковского «Про это», — вне всяких сомнений, реквием Василию Чеккрыгину.

Это сейчас фамилии Шариков, Рабенец звучат в Пушкино достаточно громко, а каких-то три года назад никто и предположить не мог, кто за ними стоит. Эти люди, много сделавшие для Пушкино, были просто-напросто забыты. Забвение, с моей точки зрения, стало следствием уничтожения их могил.

В мае 1891 года [Журналы Московского Уездного Земского Собрания ... , 1893, с. 20–21], согласно духовному завещанию пушкинского фабриканта Евгения Ивановича Арманда (1809–1890), 1,7 га леса вблизи деревни Акулово жертвуются для устройства приходского погоста «Боголюбской, что при станции Пушкино, церкви» (официальное дореволюционное название прихода).

Благодаря Евгению Ивановичу, проложившему в конце 1850-х дорогу от своей фабрики в селе Пушкино к возводимой Ф. В. Чижовым (1811–1877) Московско-Троицкой железной дороги, и появилась станция Пушкино с городом в его современных границах. Евгений Иванович (Луи-Эжен) Арманд, внук Поля Арманда, первым из семьи почувствовал преимущества производственной деятельности по сравнению с торговлей модными товарами и создал в селе Пушкино (1853) технологическую линию для производства ком-

понентов химических средств, применяющихся в процессе отделки и крашения тканей.

Федор Васильевич Чижов — русский промышленник, общественный деятель, ученый, благотворитель. Яркий сторонник славянофилов, он создал в 1858 году Акционерное общество «Образцово-показательная паровая железная дорога от Москвы до Сергиева посада». Задача общества состояла в том, чтобы доказать железнодорожным монополистам французам состоятельность отечественных ресурсов и оснастить надежной дорогой самое важное для русских корней северное направление. В рекордные по тем временам сроки (1858–1862), за незначительные по сравнению с монополистами средства проект был осуществлен.

Чем же руководствовался Арманд при выборе места для кладбища? Территория последнего являлась самой высокой, а значит лучшей точкой местности — 175 метров над уровнем моря, при средней в окрестности — 160 метров.

23 апреля (5 мая) 1892 года на благоустроенном деревянными резными воротами с Боголюбской иконой новом кладбище было осуществлено первое захоронение. Дочь жандарма Московского Жандармского Полицейского Управления Федора Ивановича Макарова — Мария, одного месяца от роду, вдохнула жизнь в доселе бездушный участок. Таким образом, знаменательное для Черыгина 5 мая стало в 1892-м и днем рождения Боголюбского погоста.

Пока не удалось обнаружить документов о закрытии этого кладбища. Скорее всего, оно было упразднено с началом сооружения Учинского водохранилища, то есть после 1931 года. Переселение деревни Акулово, оказавшейся вместе с Боголюбским погостом в строгой санитарной зоне, началось в мае 1934 года. Так, в протоколе заседания Пушкинского РИКа от 3 марта 1935 года кладбище вблизи деревни Акулово именуется уже закрытым [АО АПМР МО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 124].

Слегка бугристая поверхность лесного участка, зажатая дачными кооперативами — это всё, что до недавнего времени оставалось от места упокоения сотен жителей старого Пушкино.

В 2008 году я начал восстанавливать дотла сгоревшую в 1997-м Дачу Маяковского. До того был ряд московских проектов, связанных с памятью Сергея Александровича Есенина: капитальный ремонт государственного музея поэта в переулке Чернышевского, сооружение на Ваганьковском кладбище бронзового бюста другу Есенина поэту Абрамову-Ширяевцу, издание книги об обстоятельствах гибели рязанского самородка «Не умру я, мой друг, никогда» (2011).

Таким образом, Дача Маяковского стала поводом изменения вектора моего волонтерства. «Неужели, — подумалось тогда, — в родном Пушкино нет вет-

хих достопримечательностей и выдающихся лиц?». Следом за Маяковским, отвесившим общественному вкусу оплеуху, я перешел от поклонов знаменитостям к выявлению таковых.

После завершения в 2014-м восстановления дачи на Акуловой горе, открытию которой, кстати, предшествовало сооружение бронзовых памятников Маяковскому (2012) и Льву Николаевичу Толстому (2013), мое внимание привлек старый пушкинский дом. Его окна, обрамленные резными наличниками, струили по вечерам чудный свет. Это было обычное электрическое освещение, но почему-то казалось: здесь замерло время. Будто внутри не по возрасту ухоженного жилища меня на протяжении целого столетия дожидается его хозяин. Несколько попыток достучаться в запертую калитку были безуспешными.

Наконец, весной 2015-го обитатель дома передо мной, и мы за долгожданной беседой пьем на Даче Маяковского солнечный чай. Дом оказался бывшей усадьбой Михаила Семеновича Шарикова, постройки 1872 года, а мой собеседник — 73-летним внуком о. Михаила, Александром Алексеевичем Лукьянюком. Эта встреча и стала началом большого пути к восстановлению местной памяти, а стержнем — канувшее в лету Боголюбское кладбище.

Между прочим, крылатое выражение «кануть в Лету» как нельзя близко нашей теме. «Лета», по верованиям древних греков, — река забвения, через которую надо переплыть на ладье кентавра Харона, чтобы попасть в «царство мрачного Аида», то есть в загробный мир. Пересекая эту реку, душа человека

освобождалась от всего земного, забывая всё, что было в жизни. Действительно близко теме, правда с оговоркой — этими лишенными памяти мертвецами стали живые люди, все мы.

Александр Алексеевич как мог хранил семейное гнездо: дом, мебель, посуду, дневник деда и, конечно же, семейный альбом. Правда, его мама Мария Марковна Шарикова, урожденная Лукьянюк, никогда не рассказывала сыну ни про отца — Николая Михайловича (1887–1942), ни про тестя — Михаила Семеновича, дала ему девичью фамилию и другое отчество. Вследствие чего Александр Алексеевич практически не ориентировался в лицах и событиях семейной истории. Только после обретения могилы о. Михаила его истерзанные в зверском убийстве останки оправдали позицию матери, молчанием оберегавшей будущее сына. Постепенно, передо мной стала открываться интереснейшая книга жизни не только семьи Шариковых, но и целого ряда связанных с родным городом фамилий.

Фотоальбом сохранил виды Боголюбского погоста, на который в октябре 1893 года Михаил Семенович отнес своего младшего 3-летнего сына Сережу. Сережина могила и стала поводом данной фотосессии.

Кладбище имело необычную треугольную форму, что явилось дополнительным подспорьем для поиска. На карте Пушкино 1931 года, у его северо-западных границ, вблизи деревни Акулово бросается в глаза треугольник, подписанный «Кл» — кладбище. Совмещение старой и новой карт точно указало

нынешнее местоположение погоста. Причем прилегающие к нему дачные кооперативы планировались явно с учетом данного чрезвычайного объекта.

Вот некоторые выдержки из дневника отца Михаила Шарикова:

«14 октября 1920 года: Четверг. Покров Пресв. Б-цы. Сегодня в 5 1/2 ч. Вечера скончался от воспаления легких уважаемый прихожанин Боголюбской церкви Вячеслав Михайлович Кузнецов» [СА Лукьянюка, с. 234, № 348].

«17 октября 1920 года: Воскресенье. Заказная обедня — память Сережи; и всех сродников. Сегодня же за литургией происходило отпевание Вячеслава Михайловича Кузнецова. Погребение на Боголюбском, при д. Акулова, кладбище» [там же, с. 235, № 352].

«21 декабря 1920 года: Состоялись похороны Надежды Васильевны. Погребена она на кладбище около дер. Акулова, рядом с могилой Сережи» [там же, с. 252, № 455].

«12 октября 1927 года: Окраска креста на могиле Сережи» [там же, с. 407].

Гениальный фотограф объединил все кладбищенские снимки общей деталью — поклонным крестом, к которому вела расположенная за его воротами аллея. Это была настоящая дорожная карта, а фотограф — Николай Михайлович Шариков, с 1908 года член Русского Фотографического общества в Москве. Не составило большого труда сориентироваться по сторонам света и определить, какой из углов треугольника был увенчан этими воротами. Христианская могила всегда с разницей в несколько градусов устраивается с запада на восток — голова на запад, ноги на восток, крест, соответственно, в ногах. Таким образом виртуально была воссоздана планировка Боголюбского кладбища.

Наконец, на заднем плане фотографии с Сережиным крестом хорошо читался рисунок растущих вдоль центральной аллеи деревьев: раздвоенной ели и с обломанными сучками сосны. Осмотр территории выявил эту аллею. Невроятно, но удалось разыскать елку и сосну со старой фотографии. Это указало на точное расположение Сережиной могилы и, соответственно, могил остальных Шариковых.

Дополнительным и, как выяснилось позже, бесценным ориентиром явилось большое гранитное надгробие, запечатленное на фото с сидящими на лавке у могилы Сережи дамами. На месте, где был этот памятник, теперь зияла воронка, по словам старожилов, — результат взрыва авиабомбы.

Пришло время раскопок. У территории бывшего кладбища нашлось три собственника: Лесное хозяйство Московской области, Мосводоканал и Пушкинский район. Я связался со всеми, но получил неоднозначный ответ — все признавали важность найденного объекта, недопустимость его осквернения, разрешали некапитальным образом оградить погост, но документально реаги-

ровать на это никто не захотел. На свой страх и риск, при зачастую неадекватной реакции местных дачников, я решил довести дело до логического конца.

В результате 13 июня 2018 года на месте предполагаемого захоронения Шариковых были найдены останки ребенка (мальчика) 3–4 лет, священнослужителя и двух женщин — пожилой и средних лет. Нам известно, что на участке Шариковых были произведены следующие захоронения: Сергея Михайловича Шарикова — сына (1890 — 8(20) октября 1893), Надежды Васильевны Павловой — тещи (1845 — 19 декабря 1920); Александры Васильевны Шариковой — супруги (1864 — 2 сентября 1921), Михаила Семеновича Шарикова (1862 — 11 марта 1929). По Шариковым всё совпало.

26 июня на месте воронки, где в соответствии с фото располагался гранитный памятник, были обнаружены разрушенный склеп и это легендарное надгробие. На памятнике выгравированы имена Варфоломея Львовича и Евдокии Михайловны Рабенеков с датами их жизни, но сам склеп оказался пустым.

Эдмунд Людвигович, после принятия в 1886 году православия — Варфоломей Львович, Рабенеков (11 (23) июня 1841 — 28 февраля (13 марта) 1909) и его супруга Евдокия Михайловна Окунёва (28 февраля (12 марта) 1843 — 10 (22) июня 1897) — это пушкинские «Петр и Феврония». Прусский подданный,

Варфоломей Львович Рабенеков (1841-1909)

выходец из богатейшей семьи города Щёлково — Эдмунд Львович Рабенеков предпочел любовь к простолюдинке доходному бизнесу, обожал природу и детей, хоть и лишен был радости отцовства. Его наследницей стала приемная дочь Евгения Эдмундовна (Федоровна) Рабенеков. В 1873 году Рабенеков построил деревянную Боголюбскую церковь.

В надежде на то, что останки супругов Рабенеков были прикопаны тут же, была обследована территория в радиусе трех метров от склепа. Наряду со стандартными захоронениями данного погоста с глубиной 1,8–2 метра здесь на глубине 0,7–1 метра были найдены 5 могил. В соответствии с приложенной схемой, обнаруженные останки принадлежали: 1) мужчине средних

лет; 2) молодой женщине; 3) пожилому мужчине; 4) младенцу до года; 5) младенцу до года.

В процессе идентификации останков применялся метод наложения — снимок черепа накладывался на фото предполагаемых хозяев могил. Руководил этой работой ученик легендарного антрополога Михаила Михайловича Герасимова (1907–1970), главный специалист Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы Сергей Алексеевич Никитин (стаж более 45 лет).

Последнее особенно помогло в идентификации останков Рабенеков. К счастью, тогда уже было найдено в достаточном разрешении фото Варфоломея Львовича — его могилой оказалось захоронение № 1 (по схеме). Фото Евдокии Михайловны — его супруги, увы, отсутствовало, но женские останки из склепа были в единственном числе (№ 2). Подтвердился и примерный возраст умершей — 54 года. Принадлежность костных останков пожилого мужчины и двух младенцев из склепа остается под вопросом.

В процессе поиска я убедился, что история обладает сознанием, вступая в диалог с ее исследователями и восполняя, казалось бы, навсегда утерянные звенья.

22 февраля 2019 года — можно сказать, из «Леты» — всплыла история рабенековского склепа. Внук доктора географических наук Александра Оскаровича Кеммериха (1912–2010) опубликовал в Фейсбуке воспоминания своего деда, с рождения жившего в деревне Акулово (Акуловки):

Первое представление об Акуловке у меня сложилось в раннем детстве, когда я с няней ходил к Степановой сторожке в 1 км от нашей дачи. Сторожка стояла около шоссе на опушке леса. Здесь росли необычные сосны, они были невысокие, метров 12, очень толстые, и ветви начинались от самой земли. Большим удовольствием для меня было залезть высоко на одну из сосен по толстым веткам. Еще мы любили ходить гулять на кладбище, расположенное в лесу, там хоронили только дачников. На краю кладбища у поля стояла сторожка, в которой жили сторож с женой, ухаживающие за кладбищем. Оно было огорожено забором, разделено широкими дорожками, всегда посыпанными песком. Был на кладбище склеп супругов Рабенеков, на могилах росли цветы, всюду был порядок и тишина. После революции сторожку кладбищенскую снесли, кладбище стало зарастать и на нем перестали хоронить.

<...> В годы гражданской войны в Подмосковье бродило много воровских группировок, состоящих в основном из скрывавшихся от воинской службы дезертиров и бежавших из тюрем уголовников.

В окрестностях Пушкино действовала банда Сергея Воронцова — уроженца Акуловки. На счету этой банды было много ограблений и убийств. Сам руководитель банды Сергей Воронцов — бывший матрос, был красивый и когда-то хороший парень. В эти годы повсюду свирепствовала эпидемия брюшного тифа. В Акуловке от тифа умирали почти в каждом доме. У Сергея умерли сразу отец, мать, сестра и любимая невеста. Говорили, что после такого горя он ушел к бандитам и стал главарем. Просуществовала банда больше года. В последние месяцы она скрывалась в склепе фабриканта Рабенека на кладбище в лесу близ Акуловки. Когда банда была здесь обнаружена, бандиты разбили колоды, где лежали забальзамированные муж и жена Рабенеки, украли с них драгоценности, трупы вытащили из склепа и ушли в лес под Хотьково. Здесь банда была вскоре уничтожена во время боя с милицией.

У похороненных в склепе мужа и жены Рабенеков была интересная судьба. Сам Рабенека был фабрикантом — владел текстильной фабрикой в селе Пушкино. Он был страстный охотник на медведей, но охотился он на них не с ружьем, а с рогатиной. Жил он одиноко, ему прислуживала молоденькая хорошенькая деревенская девушка, в которую он в конце концов влюбился и женился на ней. Но так как она была малограмотная и невоспитанная для высшего общества, он увез ее на два года в Париж, дал ей хорошее образование, воспитание и знание нескольких языков. После двухгодичного отсутствия в России он привез ее в Москву, и в обществе никто не мог узнать в этой элегантной красивой женщине простую крестьянскую девушку.

Мой сосед Терентий Васильевич рассказывал мне, что, когда он был молодым, он участвовал в охоте Рабенека на медведя. Медведи водились в те годы в лесу за рекой Серебрянкой близ теперешней станции Заветы Ильича. Собаки выгоняли медведя из берлоги. Разъяренный зверь вставал на задние лапы перед охотником, а тот вставлял медведю рогатину между передних лап и бил в сердце медведя кинжалом. Жена же в это время стояла чуть в стороне со штуцером и в случае неудачи мужа, должна была стрелять в медведя.

<...> Осенью 1934 года в связи со строительством плотины и водохранилища Акуловки не стало. Летом уже начали сносить дома на слободке, а наш край должны были снести осенью. Папа заплатил руководителю сноса деревни, чтобы нашу дачу снесли последней. Вся наша компания от мала до велика готовилась к прощальному вечеру: писали обозрение, стихи, готовили спектакль. Вся терраса к прощальному ужину была украшена цветами. За столом разместилось около 60 человек, мест не хватало, и ребяташки смотрели обозрение и спектакль, сидя на деревьях. За столом было сказано много хороших речей и пожеланий чаще встречаться. Большая часть нашей компании планировала в

будущем снимать дачи в Орловке и Новой деревне, куда в основном перенесли дома и дачи акуловских крестьян.

[Кеммерих, 2019]

Да, отчаянные были люди, а разбойники не просто вытащили Рабенеков из склепа, но и, как никак, похоронили. Кладбище же, судя по воспоминаниям, было снесено, одновременно с Акуловкой, летом-осенью 1934 года.

1 июля 2018 года на месте шариковских могил был открыт мемориал. В соответствии со старыми фото восстановлены не только кресты, но и ограда в ее прежних границах.

В марте 2017 года пушкинский краевед, публицист Елена Александровна Осокина обнаружила в Пушкино по ул. Домбровская, д. 2 дом, в котором в 1935 году поселился вернувшийся из Харбина философ-космист, последователь идей Н. Ф. Федорова Н. А. Сетницкий с семьей, а после ареста его и жены в 1937-м, остались жить его дочери — Ольга и Елена. К ним же приезжал из Калуги друг Сетницкого, философ, богослов и поэт А. К. Горский, который, кстати, в 1920-е годы общался со вдовой Чекрыгина Верой Викторовной и даже планировал выпуск книги-альбома «с рисунками художника из серии “Воскрешение мертвых”, текстом трактата “О Соборе Воскрешающего музея” <...> и статьями о Чекрыгине о Павла Флоренского, его собрата по художественно-философскому объединению “Маковец”, А. Белого и искусствоведа А. В. Бакушинского» [Горский, 2018, с. 948]. По этому случаю в Пушкино приехали участники Федоровского семинара из московского Музея-библиотеки Н. Ф. Фёдорова и на Даче Маяковского было устроено его выездное заседание. Признаться, измызганная в девяностые тема космоса отталкивала от себя многочисленными инсинуациями. И если бы не встреча с руководителем семинара доктором филологических наук Анастасией Георгиевной Гачевой, мой интерес к данной теме, не успев начаться, закончился бы. Тогда я впервые задумался, что Василий Чекрыгин был художником-космистом, и узнал о его затопленной Учинским водохранилищем могиле.

Всё то, о чем говорили тогда вслед за Фёдоровым современные космисты, мне, как православному священнику, казалось излишним дополнением Христианства. Еще один вид Боголюбского кладбища на единственной фотографии могилы Чекрыгина — вот, что заинтересовало меня на самом деле. Комментарии фотоснимка сообщали, что могила располагалась в Мамонтовке и, увы, затоплена водохранилищем.

Однако, во-первых, в поселке Пушкинского района Мамонтовка никогда водохранилища не было. Не существовало здесь до 1961 года и кладбища — это,

во-вторых. И наконец, в-третьих, погост вблизи деревни Акулово был один — Боголюбский. Дело в том, что после упразднения Акуловки по границам Мамонтовки для персонала водохранилища был устроен рабочий поселок, усвоивший освободившийся топоним — Акулово. Видимо, последнее и сбилось с толку исследователей, локализовавших могилу художника Мамонтовкой.

Я же сразу на заднем плане фотографии чекрыгинского захоронения узнал поляну Боголюбского кладбища. Началась работа на месте.

Первый раз о Чекрыгине мне довелось услышать в 2014 году от пушкинского краеведа Игоря Борисовича Прокуронова. Он подарил мне проспект, посвященный столетию первого поэтического сборника Маяковского «Я»: «ПУШКИНО. Поэт ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Художник ВАСИЛИЙ ЧЕКРЫГИН». Сложенный вдоль пополам лист формата А4 — немного текста, фотографии и загадочная чекрыгинская графика. Свидетель создания замысла и книги «Я» Л. Ф. Жегин вспоминал: «С Маяковским у Чекрыгина были самые приятельские отношения. Он даже позволял себе небольшие дерзости, вроде того, что “тебе, Володька, дуги гнуть в Тамбовской губернии, а не картины писать”» [Жегин, 1986, с. 212]. Но, когда Маяковский захотел издать первый сборник своих стихов, художник решил, что ему надо в этом помочь. Поэт принес «...литографскую бумагу, чернила и стал диктовать Чекрыгину — тот писал своим характерным почерком, немного в славянском духе. Чекрыгин сделал несколько прекрасных рисунков, напоминающих новгородские фрески, но не имеющих ничего общего с текстом Маяковского. Ну вот, Вася, — бурчал тот, — опять ангела нарисовал — нарисовал бы муху, давно не рисовал! Впрочем, особенно не возражал. Текст первой книжки Маяковского “Я!” и рисунки были отнесены в маленькую литографию у Никольских ворот и изданы тиражом 300 экземпляров» [там же].

Однако близкие отношения с поэтом не помешали Чекрыгину с непримиримостью смотреть на отношения Маяковского с Лилей Брик и ее супругом Осипом Бриком. Внучка Чекрыгина Н. Колесникова писала: «Когда Маяковский с Бриками приезжал к Чекрыгину на дачу в Пушкино, художник обычно бурчал себе под нос: “Вот, приехала Бричка с двумя седоками”! Чекрыгин считал, что отношения с Бриками вредны для его друга Маяковского. Фактически из-за этого между художником и поэтом произошел разрыв» [Колесникова, 2012].

В сети я нашел рисунки Чекрыгина, среди которых меня поразили посвященные воскрешению мертвых. Немедля было принято решение разместить их на Даче Маяковского. Найдя художника, мы копировали графику на внутренней стороне дачного забора, длиной порядка 20 метров. У березки, кото-

рая росла подле, я попросил расположить автопортрет Чекрыгина. Затем мне захотелось сделать инсталляцию «Воскрешение». У березки с чекрыгинским автопортретом я начал рыть яму 2×2 метра — могилу. Замысел состоял в том, что в ней будет находиться пустой гроб — символ победы над смертью. Но как же укрепить стенки ямы? Неожиданно на достаточно произвольно выбранном месте под землей был обнаружен уже выложенный кирпичом подпол, вроде ледника. Так совместно с невидимым помощником инсталляция была выполнена в лучшем виде. История эта, безусловно, запала мне в сердце и конечно же я связал ее с Василием Николаевичем.

Вернемся к привезенной А. Г. Гачевой фото чекрыгинской могилы. Дело в том, что старые фотографии, обладающие бесспорным преимуществом в сравнении с современными — долговечное в процессе выцветания серебро, имеют и серьезный недостаток. Угол снимков в те времена был весьма незначительным, фотографу для панорамного фото приходилось удаляться от объектов внимания. В результате изображение становилось плоским, предметы, расположенные вдали, визуальнo оказывались вблизи, и наоборот.

Важнейшим изобретением французов в этом отношении стали так называемые стереопары. Выполненные одновременно с разницей в несколько градусов пара снимков позволяла при их просмотре на специальном оборудовании — таксофоте — видеть подлинную глубину кадра. Так что 3D, представленное сегодня как последнее слово техники, в конце XIX века являлось уже достаточно распространенным средством искусства светописы. Было данное оборудование и у Шариковых. Сохранилась одна стереопара Боголюбского погоста — сидящие на лавке у могилы Сережи дамы.

Локация и направление фото могилы Василия Николаевича Чекрыгина были очевидными, а вот расстояние до сохранившихся по сей день деревьев с заднего плана — нет. При этом линию направления пересекала патрульная дорога Мосводоканала шириной в пять, высотой в полтора метра. Дорога разрезала погост практически пополам. Казалось, искомое захоронение должно, увы, находиться прямо под ней, а повреждать инженерное сооружение в охранной зоне было уже слишком.

Анастасия Георгиевна, с которой мы подружились, время от времени напоминала мне о могиле авангардиста. Я, в свою очередь, бывая на кладбище, ходил, смотрел, приглядывался и думал.

Между тем снесенные погосты притягивали меня всё больше. Помимо герасимо-никитинского метода наложения, для эффективного поиска пришлось овладеть рядом ценных навыков. В первую очередь это работа с фотографией. Большинство, листая фотоальбом, разглядывают лица, мне же стали интерес-

ны и окружающие их объекты. Случайная, даже мутная деталь фона, зачастую, помогала восполнить упущенные ландшафтным снимком элементы. Необходимой стала и работа в архивах. Метрические книги в части об умерших содержали сведения о месте их захоронения. Особенно это касалось священников, которых чаще всего хоронили при церквях за алтарной стеной. Даже если храм был снесен, можно отыскать его фундамент, в метре от которого с трех сторон (восточной, северной и южной) и осуществлялись данные захоронения. Так я стал искать не только могилы, но и снесенные храмы.

Первой стала, конечно же, деревянная Боголюбская церковь, постройки 1873 года. После закрытия в феврале 1938-го храм переоборудовали в жилой дом. Надгробия, похороненных здесь трех первых настоятелей, естественно, ликвидировали. В 1984-м дом был разобран и на его месте через три года возник гаражный кооператив «Фортуна». Таким образом, каменный фундамент Боголюбской церкви оказался под гаражами.

Совмещение карт показало, что гаражи встали на половине по западно-восточной оси церковного здания, вторую же покрывала помойка. Было вывезено порядка 120 м³ мусора. Затем с помощью щупа — металлического, диаметром 5 миллиметров, длиной 160 сантиметров, стержня, — найдено основание фундамента: по ширине метровая залитая известью лента из боя красного кирпича. Кирпичный фундамент был, естественно, разобран, а вот его основание, повторяющее контуры храма, — нет. В метре от северной стены алтаря я нащупал могилу.

Необходимо пояснить, что щуп оказался средством не только обретения без копки твердых, вроде фундамента, предметов под землей, но и могил. Конечно, 160-сантиметровый металлический штырь не достает до стандартного 2-метрового захоронения, но выявляет копаные участки. Обычно на глубине 80–90 сантиметров расположен плотный слой земли, который щуп пройти не может. При выкапывании могилы слой этот разрушается и образуется участок 1×2 метра, который и позволяет в дальнейшем без погружения под землю выявить наличие захоронения.

Здесь, на уровне 260 сантиметров было обнаружено захоронение священнослужителя. Наложение определило в нем третьего настоятеля Боголюбской церкви (1907–1914) — Сергея Дмитриевича Лебедева (1868–1914). Отец Сергей умер от туберкулеза 25 июня (8 июля) 1914 года, в возрасте 46 лет, не дожив всего 18 дней до освящения новой каменной церкви Сошествия Святого Духа на Апостолов (Святого Духа). Он оставил 8 человек детей. Его супруга Мария Григорьевна, урожденная Руднева, переживет мужа на 50 лет и воспитает в семье неизгладимую память об отце.

Правнуком Сергея Дмитриевича, внуком его дочери оказался известный скульптор Салават Александрович Щербаков. Его самая известная работа — Равноапостольный князь Владимир у московского Кремля. Салават Александрович волею судьбы стал хранителем семейного архива и поведал о том, как бабушка возила его в Пушкино на место могилы прадеда. Когда же в конце 1980-х он приехал сюда самостоятельно, дом-церковь, увы, был снесен. Для него, как и для других членов этой большой семьи, обретение останков прадеда явилось чудом и невероятным жизненным стимулом. Здесь, за пушкинскими гаражами, Салават Щербаков хочет поставить прадеду памятник. 14 октября 2018 года на месте обретения фундамента Боголюбской церкви и могилы Сергея Лебедева был открыт мемориал.

Поиск могил первого и второго настоятелей продолжается: это священник Василий Иванович Некрасов (1828–1886) и протоиерей Михаил Николаевич Рождественский (1823–1907). Они были захоронены, в соответствии с найденной схемой, у восточной и южной сторон зимнего храма Боголюбского прихода — деревянной церкви Святого Духа, постройки 1875 года. В 1911–1914 годах вместо деревянной М. С. Шариковым была возведена каменная церковь, и могилы перенесли ближе к деревянной Боголюбской церкви. Кстати, небольшой деревянный храм Святого Духа Михаил Семенович Шариков, будучи настоятелем Боголюбского прихода, перенесет в 1923-м на окраину Пушкино в Новую деревню. Прославится эта церковь тем, что впоследствии здесь с 1989 по 1990 годы будет настоятельством легендарный Александр Владимирович Мень (1935–1990). Убитого отца Александра похоронили у северной алтарной стены новодеревенского, переименованного в Сретенский, Духовского храма.

В процессе поиска первых настоятелей обследовано 28 из 50 гаражей. Приобретено два гаража. Один стоит на алтаре с сохранившимся основанием Престола, второй — на предполагаемом месте перезахоронения пастырей. Для более оперативного обследования этой территории мне пришлось стать председателем гаражного кооператива «Фортуна».

На этом этапе я начал всерьез задумываться о весьма актуальных идеях Николая Федоровича Фёдорова и космистов.

Вменяемая Н. Ф. Фёдорову в вину активная роль человека в воскресительном процессе, на мой взгляд, действительно необходима, хотя бы в части заботы об умерших. С какой любовью мы готовим человека к погребению — захоронению, то есть сохранению. Как старательно заботимся о его могиле, ставим памятник, ограду. Последняя, кстати, исключительно русское явление, вызванное реалиями деревенской жизни — ограждение могилы от пасущегося скота. Хорошо, Фёдоров неправ — воскрешать будет всемогущий Бог, беспо-

мощный человек участвовать в этом не сможет. Умер человек — предоставьте возможность Творцу позаботиться о нем: пусть лежит там, где застигло его упение. Так зачем тогда нужно сохранять могилы усопших? А тем более разыскивать утерянные?

Федоровская философия интересна тем, что содержит в себе и грандиозную мотивацию для нравственной жизни: «Живи так, чтобы потомки захотели тебя воскресить».

При этом Николай Федорович никогда не противопоставлял себя Православной Церкви. Он обвинял современных ему христиан в «смертобожничестве», что веру в воскресшего Христа они заменили верой в смерть. Из-за категоричности по отношению к Православной Церкви он поссорился со Львом Толстым. В основе учения Толстого, надо признать, содержалось много интересного и ценного. В частности, Льва Николаевича чаще всего обвиняют в попытке создать новую религию. Этой мыслью, утверждают оппоненты, классик озадачился еще в 1850-е:

Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле.

[Толстой, 1937, с. 37]

Упускается, как принято в таких случаях, контекст. Толстой, находясь в пекле Крымской войны (1853–1856), в операционной палатке, по щиколотку в крови, где в одном углу лежали ампутированные ноги, а в другом — руки, когда в ушах звенело от криков и стонов израненных воинов, явственно ощутил абсурдность современной ему религии. Ведь убивали друг друга именно христиане. Выйдя из палатки, он увидел шествующий с хоругвями крестный ход. Тогда из его равнодушного сердца и вырвалась эта не имеющая ничего общего с личными интересами или политикой фраза.

Воскрешение, по Фёдорову, станет следствием развития человека, причем не только научно-технического, но и нравственного. До тех пор, пока на земле живет хотя бы один непорядочный человек, люди не достигнут личного бессмертия и не смогут оживить предков. Всеобщему воскресению будет предшествовать всеобщее нравственное преобразование, которое, вне всякого сомнения, разорит «осиные гнезда». Родственные чувства ко всем без ис-

ключения окружающим нас людям станут простираться и на ушедших в мир иной. В сознании нравственно-просветленного человека будут оправданы все когда-либо жившие злодеи. И именно поэтому воскресительный процесс, согласно Фёдорову, станет всеобщим. Насколько это по-евангельски красиво, настолько и далеко от современного Православия, точнее, его главных представителей.

Попросите нынешних христиан разделить свою жизнь на периоды. Подавляющее большинство назовет только два: временный — с рождения до смерти, и вечный — от смерти без конца. Где же в этом мировоззрении место воскресению? Нигде! О нем, так же как об умерших, просто забыли. Этим и был обеспокоен Николай Фёдоров. Жизнь человека, с точки зрения Евангелия, делится не на два, а на три этапа:

- временный — с рождения;
- временный — с момента смерти;
- вечный — с Воскрешения.

Понятие же «космизм» было введено не Фёдоровым, нигде он себя «космистом» не называет. Православный христианин Николай Фёдоров полагал, что после победы над смертью и оживления предков Земля станет колыбелью человечества. Постоянно расширяющееся космическое пространство окажется средой естественного обитания вечного человека. Бесконечный путь к освоению новых миров будет органично вплетен в жизнь обновленного человечества. Н. Ф. Фёдоров, урожденный князь Гагарин, стал первым, кто в России всерьез заговорил о необходимости освоения космоса. Несколько лет библиотекарь Фёдоров руководил процессом самообразования юного К. Э. Циолковского (1857–1935).

Так поиск могилы Василия Николаевича Чекрыгина стал для меня делом принципа: мол, найду — значит правда на нашей с космистами стороне. Когда я вспомнил вырытую у чекрыгинского автопортрета яму, инсталляцию и незримого помощника, из моего сердца вырвалось: «Помоги, как тогда, подскажи, где копать». Я наконец персонифицировал этого незнакомца. «Василий Николаевич, если тебе это нужно, если для вас, людей по ту сторону, важно, что происходит с вашими костями — подкинь идею». Символично этот диалог состоялся 24 апреля в преддверии Пасхи 2021 года на Лазареву субботу, когда православные вспоминают воскресение Иисусом Христом своего друга четверодневного Лазаря.

Личный опыт христианской жизни привел меня к выводу: «Если можешь, ни о чем не проси Бога». На самом деле, нужно тебе — делай что можешь, про-

си, когда все возможности будут исчерпаны. И Его помощь приходила ко мне, не дожидаясь окончания моих возможностей. Поэтому я просить перестал. С Чекрыгиным ситуация была похожей.

Именно здесь не могу обойти вниманием еще одного персонажа — первого генералиссимуса России Алексея Семеновича Шеина (1652–1700). Весну, лето и осень 2020 года я провел в поисках отстроенного Шеиным в селе Курово, в 3,5 километрах от Акуловой горы храма Знамения Богородицы (1681–1687).

Славный покоритель Азова Алексей Шеин сделал карьеру благодаря наличию и защите собственного мнения. Постоянно споря с царями, он умудрился получить от них все мыслимые и немыслимые награды. Безусловно, в этом заслуга и прежних правителей, особенно Петра I.

Церковь, построенная Алексеем Семеновичем в Курово, считалась, как и могила Чекрыгина, затопленной Учинским водохранилищем. Как и деревня Акулово, село Курово, оказавшись в строгой санитарной зоне, было упразднено в 1936-м. Традиционная работа с картами и на местности дали привычный уже результат. В июле 2020 года моим глазам предстали фундаменты Знаменской церкви и выстроенной чуть позже в 1752-м Николаевской. У Никольского храма сохранился даже выложенный итальянской мозаикой пол.

Куровские храмы, естественно, окружены погостом. Удалось найти одно надгробие среди обломков старинных, начала XVI века. Благодаря частично сохранившейся надписи и Метрическим книгам была установлена личность хозяина.

6 июня 1848 года в Знаменской церкви отпевали крестьянина Филиппа Павлова из деревни Акулово. До постройки Боголюбской церкви акуловские жители были приписаны к церкви в Курове. 50 лет от роду крестьянин умер накануне от губительного поветрия. Он стал первым из тех, кого скосила летом того года в Куровском приходе холера. Согласно Метрической книге Знаменской церкви за 1848 год, в июне от губительного поветрия умерло 18 человек, в июле — 61, в августе — 21. Итого 100 жителей из приписанных Знаменской церкви деревень: Курово, Акулово, Чапчиково, Пестово, Хохловки пали жертвами пандемии.

Прошла неделя с момента моего общения с Василием Чекрыгиным. Накануне Пасхи в Великую субботу, в очередной раз разглядывая могильное фото, я обратил внимание на белое пятно слева, в котором не раз виделся мне забор кладбищенской ограды. Но сейчас осенило: «А не угол ли это восстановленного теперь участка Шариковых?». Бегу в лес и щупом нахожу в девяти метрах южнее от отца Михаила могилу, но, увы, маленькую — 165 сантиметров, лежащий в ней ростом — не более 140. Жаль! Копать не стал.

4 мая меня вновь осенило — ноги! Их же отрезало! Что если гроб соорудили коротким? С трудом дождавшись утра 5 мая, опрометью побежал на Боголюбское кладбище к маленькой могиле.

Через два часа работы лопатой передо мной предстал лобастый череп Чекрыгина и небольшой гроб, как я и предполагал, сколоченный чуть ниже колен. Поперек на коленях — отрезанные, с раздробленными голенищами стопы.

Идентификацией останков Василия Николаевича Чекрыгина, как было сказано выше, руководил главный специалист Бюро судебно-медицинской экспертизы ДЗ города Москвы Сергей Алексеевич Никитин. Удивительно, но в руках этого человека до художника русского авангарда были останки кумира последнего, иконописца, преподобного Андрея Рублёва. Его мощи были обнаружены в Спасо-Андрониковом монастыре, и их изучением занимался именно Никитин. Через него позвать Рублёву руку — о таком, несомненно, Василий Чекрыгин не мог и мечтать.

В Архиве Московской области найдено свидетельство о смерти Василия Чекрыгина:

Отдел записи актов гражданского состояния при Пушкинском районе 1922 год.
Запись о смерти.

183463

Отдел записей актов гражданского состояния
при *Пушкинском районе* 19*22* год.

Запись
о смерти.

№ записи.	Общий			Семейное положение умершего.	Причина смерти.	Для мужского пола: холост, женат, вдов, разведен.	Для женского пола: девственница, замужем, вдова, разведена.
	Общий	Для мужского пола.	Для женского пола.				
1				10			
2	Число и месяц совершения записи.	15 июля			11	загазованная смесь	
3	Пол умершего.	муж.			12	Фамилия, имя и подробный адрес врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также № свидетельства.	
4	Фамилия и имя умершего.	Чекрыгин Василий Николаевич			13	Кем сделано заявление о смерти (указать и подробный адрес заявителя).	
5	Возраст (число, месяц и год рождения).	28 лет			14	Место погребения.	
6	Число, месяц и год смерти.	3 июля 1922			15	Особые примечания.	
7	Место смерти (губерния, уезд, город, волость, селение).	г. Москва			16	Подпись лица, сделавшего заявление.	
8	Постоянное местожительство умершего (указать подробный адрес).	г. Москва			17	Подпись должностных лиц, совершивших запись.	
9	Род занятий умершего.	участковый					

Свидетельство о смерти Василия Чекрыгина от 15 июля 1922 года

№ записи: 184

Число, месяц совершения записи: 15 июля

Пол умершего: мужской

Фамилия и имя умершего: Чекрыгин Василий

Возраст (число, месяц и год рождения): 25 лет

Число, месяц и год смерти: 3 июня 1922 года

Место смерти (губерния, уезд, город, волость, селение): пос. Пушкино

Постоянное местожительство умершего (указать подробный адрес): пос. Пушкино

Род занятий умершего: Художник

Семейное положение умершего: женат

Причина смерти: задавлен поездом

Фамилия, имя и подробный адрес врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также № свидетельства: —

Кем сделано заявление о смерти (указать и подробный адрес заявившего): женой

Место погребения: Пушкино

Подпись лица, сделавшего заявление: [подпись отсутствует. — А. Д.]

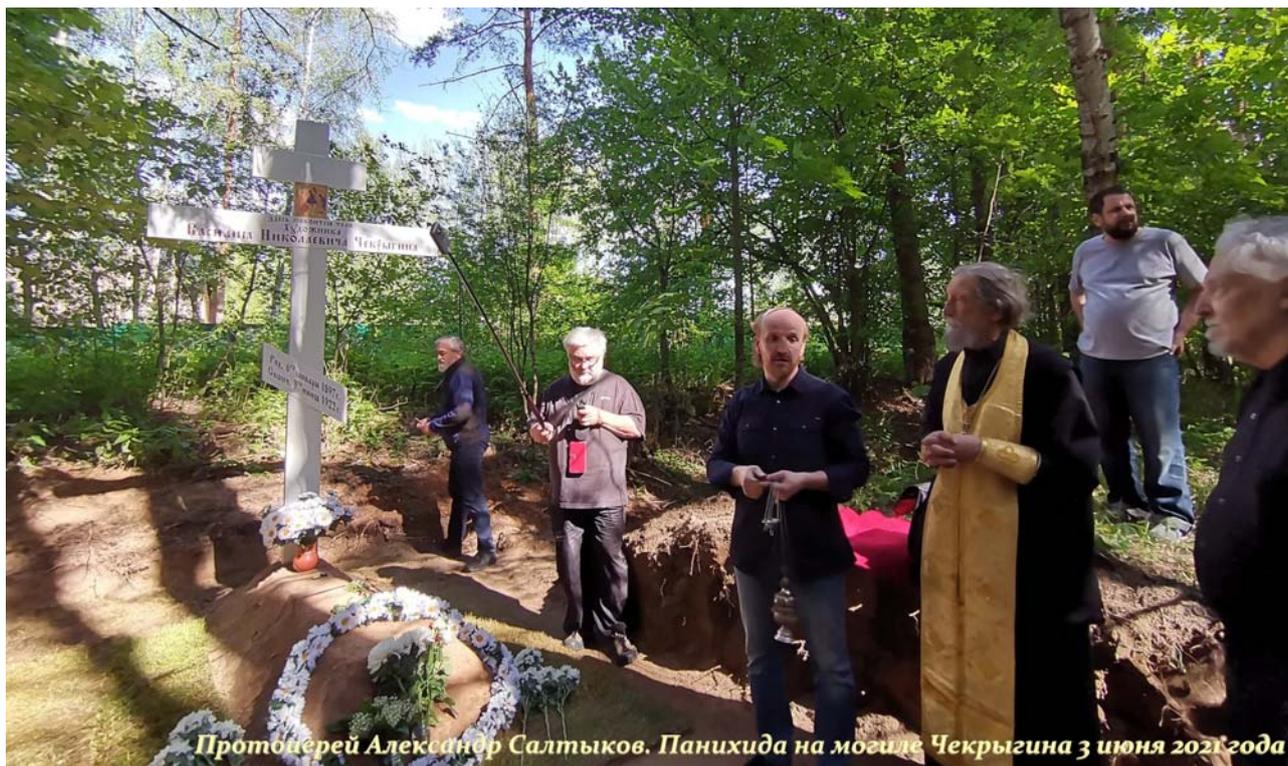
Подпись должностных лиц, совершивших запись: [подпись]

[ЦГАМО. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 1946. Л. 183–183 об.]

3 июня 2021 года, ровно через 99 лет после гибели художника, на месте его погребения состоялось торжественное открытие мемориала — водружение выполненной собственноручно копии могильного креста.

После панихиды гости проследовали на Дачу Маяковского, где после трапезы был проведен круглый стол, посвященный жизни и наследию Василия Чекрыгина. Присутствовавшие представители Академии художеств, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Музея-библиотеки А. Ф. Лосева, искусствоведы, художники, писатели, поэты, историки литературы, пушкинские и московские краеведы и просто почитатели творчества художника с торжественным чувством восприняли это мероприятие.

На следующий день я счел долгом отправиться на поиски могил Веры Николаевны и Нины Васильевны Чекрыгиных. По информации, которую сообщил мне муж внучки Василия Николаевича, кубинец Педро Ассе Бесиль, женившийся на Наталье Борисовне Колесниковой в 1966 году, они похоронены в Москве на Калитниковском кладбище. С Кубы пришла через Фейсбук и фотография надгробия. После непродолжительного общения со справочной

Протоиерей Александр Салтыков. Панихида на могиле Чекрыгина 3 июня 2021 года

службой погоста я отправился на участок № 17, где и обнаружил могилу Веры Чекрыгиной, по второму мужу Рузской, а также дочери Василия Николаевича — Нины, умершей в 1980 году. Здесь же похоронен второй супруг Чекрыгиной — Андрей Иванович Рузский (1897–1952).

Всё в этой истории вставало на свои места, кроме взаимоотношений Василия Чекрыгина с матерью супруги — Варварой Федоровной Котовой. Ведь они так некрасиво расстались... Во время благоустройства мемориала на могиле Чекрыгина была обнаружена еще одна могила в метре от головы художника. Предположить, что это кто-то посторонний, при весьма обширных участках Боголюбского кладбища, было невозможно. Кто? Тесть или теща? Других вариантов для этой семьи просто не оставалось. Фотографии обоих у меня имелись.

В могиле оказалась пожилая женщина. Метод наложения подтвердил — теща. Как же это здорово! Они всё-таки помирились!

Даты жизни В. Ф. Котовой пока неизвестны. Но на одной из фотографий Варвара Федоровна запечатлена вместе с внучкой Ниной, которой там никак не меньше десяти лет. Можно предположить, что теща Чекрыгина умерла в период с 1931 по май 1934 года — время закрытия кладбища.

Не хочу подводить итоги: они дышат концом. Мне очень интересно жить. Рассчитываю, что события никогда не прекратятся. Связанные друг с другом, пусть они проложат прекрасный путь к физической вечности каждого человека.

Список источников

«Не умру я, мой друг, никогда». Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С. А. Есенина / сост. Есенина С. П. и др. Саратов: ООО «Ай Пи Эр Медиа», 2011. 711 с.

Бакушинский А. В пути к великому искусству // Жизнь. 1922, № 3.

Горский А. К. Сочинения и письма: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 2. 1008 с.

Жегин Л. Ф. Воспоминания о В. Н. Чекрыгине // Панорама искусств. 1987. № 10. С. 195–232.

Журналы Московского Уездного Земского Собрания. 1892 г. С приложениями. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1893.

Кеммерих Я. Пушкинский краевед. 22 февраля 2019. URL: <https://m.facebook.com/groups/1533999543277848/permalink/2370033626341098> (дата обращения: 20.07.2021).

Колесникова Н. Б. Наследие В. Н. Чекрыгина. Моя история. URL: <http://vladimirvedrashko.com/article/278> (дата обращения: 20.07.2021).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1937. Т. 47: Дневники и записные книжки. 1854–1857. XI, 616 с.

Чекрыгин В. Н. Из переписки с Н. Н. Пуниным // Мурина Е., Ракитин В. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: Русский авангард, 2005. С. 205–217.

Шапошников Б. Апостол большого искусства. Воспоминания о В. Н. Чекрыгине // Маковец. Журнал искусств. 1922. № 2. С. 8–10.

Архивы

АО АПМР МО — Архивный отдел администрации Пушкинского муниципального района Московской области;

СА Лукьянюка — Семейный архив А. А. Лукьянюка, г. Пушкино Московской области;

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области.

References

Bakushinskii, A. (1922) ‘V puti k velikomu iskusstvu’ [‘On the Way to Great Art’], *Zhizn’* [Life], 3.

Chekrygin, V.N. (2005) ‘Iz perepiski s N.N. Puninym’ [‘From correspondence with N.N. Punin’], in Murina, E., Rakitin, V. *Vasilii Nikolaevich Chekrygin* [Vasily Nikolaevich Chekrygin]. Moscow: Russkii avangard [Russian Avant-garde], pp. 205–217.

Esenina, S.P. et al. (eds) (2011) “*Ne umru ya, moi drug, nikogda*”. *Vospominaniya, stat’i, rechi, interv’yu, dokumenty ob obstoyatel’stvakh gibeli S.A. Esenina* [“I will Never

Die, my Friend, Never". *Memoirs, Articles, Speeches, Interviews, Documents about the Circumstances of the Death of S.A. Yesenin*]. Saratov: OOO "Ai Pi Er Media".

Gorskii, A.K. (2018) *Sochineniya i pis'ma: v 2 knigah. Kniga 2* [Works and Letters: in 2 books. Book 2]. Moscow: IMLI RAN.

Kemmerikh, Ya. (2019) *Pushkinskii kraeved. 22 fevralya 2019* [Pushkin Local History. 22 Feb. 2019]. Available at: <https://m.facebook.com/groups/1533999543277848/permalink/2370033626341098> (Accessed: 20 July 2021).

Kolesnikova, N.B. (2012) *Nasledie V.N. Chekrygina. Moya istoriya* [The Legacy of V.N. Chekrygin. My Story]. Available at: <http://vladimirvedrashko.com/article/278> (Accessed: 20 July 2021).

Shaposhnikov, B. (1922) 'Apostol bol'shogo iskusstva. Vospominaniya o V.N. Chekrygine' ['The Apostle of great art. Memoirs of V.N. Chekrygin'], *Makovets. Zhurnal iskusstv* [Makovets. The Journal of Arts], 2, pp. 8–10.

Tolstoi, L.N. (1937) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 47: Dnevnik i zapisnye knizhki. 1854–1857* [Complete Works: in 90 vols. Vol. 47: Diaries and Notebooks. 1854–1857]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennoi literatury.

Zhegin, L.F. (1987) 'Vospominaniya o V.N. Chekrygine' ['Memories of V.N. Chekrygin'], *Panorama iskusstv*, 10, pp. 195–232.

Zhurnaly Moskovskogo Uezdnoy Zemskoy Sobraniya. 1892 god. S prilozheniyami [Journals of the Moscow District Zemstvo Assembly. 1892. With Appendices] (1893). Moscow: Tipografiya V.V. Chicherina.

Информация об авторе: А. Б. Дударев — коренной житель г. Пушкино Московской области, краевед, священник. С 2007 года активно вовлечен в краеведческую деятельность для создания общественных пространств, преобразующих лицо малой родины. Воссоздатель Дачи-музея В. В. Маяковского на Акуловой горе в г. Пушкино. Автор многих краеведческих публикаций. Священнослужитель Никольского собора. Адрес: Российская Федерация, 141150, Московская область, г. Лосино-Петровский, ул. Нагорная, д. 10.

Information about the author: A. B. Dudarev — native resident of the city of Pushkino, Moscow region, a local historian, a priest. Since 2007, he has been actively involved in local history activities for the creation of public spaces that transform the face of the small motherland. He is also the recreator of the Dacha-Museum of V. V. Mayakovsky on Akulovaya Mountain in Pushkino. Author of many local history publications. Clergyman of the Nikolsky Church. Address: 10 Nagornaya Str., Losino-Petrovsky, Moscow Region, 141150, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021;
принята к публикации 25.08.2021.

The article was submitted 21.07.2021;
approved after reviewing 20.08.2021;
accepted for publication 25.08.2021.